

Лада ПРОКОПОВИЧ

ИЗ ЖЖЖЖИЗНИ НАСЕКОМЫХ

О, если бы ты, маленькая муха,
могла говорить!
Насколько иным было бы
все наше знание о прошлом мире!
Иммануил Кант

Муха, разумеется, может рассказать много интересного. Благо что она большая любительница поболтать, пожужать, пожужать, пожужать... Хлоп! Особенно тогда, когда ее об этом никто не просит.

А что может рассказать муха, попавшая в янтарную смолу? Чем может обогатить мир несчастное насекомое, шедшее куда-то по своим делам и не дошедшее в силу столь непредвиденных обстоятельств?

Выругается, конечно, сперва эта муха, матерком пройдет по окружающей среде... Понятно же дело, пожить еще охота. Откуда ей, мухе, знать, что влипла она не просто в смолу, а в Историю.

Со временем муха это поймет. И возгордится. И почувствует себя главным объектом поклонения любого ученого-палеонтолога, который, прильнув к окуляру микроскопа, с азартом и восхищением будет разглядывать каждый волосок на ее лапках, каждую прожилку на ее крыльях, стараясь определить, к какому виду она относится. И если окажется, что ни к какому... и если он сможет дать новому виду свое имя... что-то вроде *Ivanopulus Dostoprimechatelnus* или, скажем, *Kovbasyuk Genius Nasionalius*...

Для мухи очень важно, чтобы ее так внимательно рассматривали под микроскопом. Чрезвычайно важно. Архиважно. Потому что трудно будет еще раз пережить такой позор, какой она и все ее соплеменники переживали в течение нескольких веков, когда вся более-менее образованная Европа полагала, что у мухи — четыре ноги. Кто-то из переписчиков трудов Аристотеля ошибся и написал "4" вместо "6". Поскольку в Средние века труды Аристотеля считались чуть ли не священными, то ошибка пошла гулять по научным трактатам из века в век. И неизвестно, сколько бы еще гуляла, если бы какой-то ниспровергатель авторитетов не догадался бы изловить муху и сосчитать, сколько у нее ног.

Справедливости ради надо заметить, что такое пристальное внимание к собственной персоне муха

знавала не только со стороны ученых, но и со стороны писателей. И не просто писателей, а гениев! Ведь еще во II веке древнегреческий писатель Лукиан написал сатирическую "Похвалу мухе". А кто как не Гоголь, гений русской прозы, мог так описать бал у губернатора: "Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета, когда ста-

прилететь с новыми докучливыми эскадронами".

Муха в янтаре, муха на рафинаде, муха на портрете императора Франца-Иосифа... Как оказывается, иногда легко из прозы жизни попасть в Прозу.

А вот из той же самой прозы попасть в Поэзию — труднее. Для этого надо так изловчиться, чтобы повернуться под руку, а точнее — под перо, такому поэту, как Иосиф Брод-

шли муху, жука и осу, тела которых были полностью залиты доисторической смолой, указывающей на то, что эти насекомые предназначались для еды древнему пауку.

Можно представить себе это зрелище, как некогда представил его Корней Чуковский в своем бессмертном творении:

Муха криком кричит,
Надрывается,
А злодей молчит,
Ухмыляется.

А злодей-то не шутит,
Руки-ноги он Мухе

веревками крутит,
Зубы острые
в самое сердце вонзает
И кровь у нее выпивает.

Для тех, кто не упал в обморок после прочтения этой кровавой сцены из детского стишка, продолжим.

Итак, не просочись тогда из сосны смола, не залей она разом всю эту обреченную компанию, неизвестно, чем бы все кончилось. А так... Пища, предназначенная для ископаемого паука, превратилась в пищу для современных научных исследований. Особый интерес вызывает паутина, расположение нитей которой сильно отличается от конструкций современных пауков. Сложный узор этой паутины говорит о том, что древние пауки выбирали более изощренные орудия убийства, чем их нынешние коллеги.

Неизвестно, правда, в каком плену лучше оказаться — в липкой паутине или в вязкой смоле, — но муха далеко не одинока в своем вековом заключении. Однажды был найден кусок янтаря размером около 20 см в диаметре. В этом медово-солнечном саркофаге содержалось свыше 250 мелких мушек во всевозможных позах. Все же в янтаре найдено и определено около трех тысяч видов насекомых! Муравьи, термиты, жуки, стрекозы, пчелы, цикады, шмели, пауки, комары, сороконожки, земляные черви, кузнечики и многие другие обитатели древних лесов навечно законсервированы в золотистых кусочках янтаря. Короче, вдовольно приличном обществе оказалась муха. Есть, как говорится, возможность и себя показать, и на других посмотреть.

Жаль только, что смотринами дело

и ограничивается. А как хотелось бы еще и поговорить! Ну хоть словечком перекинуться! Нет, не с этими зайками сороконожками и не с этой расфуфыренной бабочкой, а вот хотя бы с тем тараканом. Красавец мужчина! Вон как усищи растопырил. Гусар! Ах... А это кто там? Жук-носорог? Бедняга. С тех пор как жена наставила ему такой роскошный рог, он совсем свихнулся на почве ревности. В последнее время только и знал, что рассказывать анекдоты про жука, вернувшегося из командировки. Один-два таких анекдота в его исполнении еще можно было выдерживать, но потом пришлось делать ноги под любым предлогом. А то и вовсе без предлога драпать куда глаза глядят... А там что за парочка? Стрекоза и муравей. Интересно, он до сир пор посылает ее... поплясать? Как он там говаривал: "Ты все пела? Это дело: так поди же попляши!"? Фи. Что за моветон! Разве стрекоза виновата, что родилась не совсем вовремя? Родись она позже, где-то в конце века XX или начале XXI, своими песнями и плясками заработала бы на такой дом, что муравью и не снилось. И еще хорошенько подумала бы, приглашать ли его и дружка его — баснописца Крылова — к себе на новоселье... О чем с такими разговаривать?... Вот с цикадами хорошо было бы пострекотать. Поэт Осип Мандельштам хорошо отзывался о них как о собеседниках. "На языке цикад, — говорил он, — пленительная смесь и грусти пушкинской, и средиземной спеси". Приятнейшая могла бы выйти беседа!..

Нет, кто бы что ни говорил, а в образованном, начитанном обществе всегда есть о чем поговорить. Как заметил Иннокентий Анненский,

Едва пчелиное гуденье
замолчало,
Уж ноющий комар
приблизился, звеня...

А вслед за комарами и сверчки могли бы высказаться. Тоже с музаями на короткой ноге...

Но, увы, все скованы, все замкнуты. Вздохнет муха тыжко, достанет свою старую пишущую машинку, сдует с нее пыль веков и усядется писать мемуары. Ей есть что вспомнить, этой мухе в янтаре, есть о чем поведать миру.

Пожужим еще.

рая ключница рубит и делит его на сверкающие обломки перед открытым окном; дети все глядят, собравшись вокруг, следя любопытно за движениями жестких рук ее, подымающих молот, а воздушные эскадроны мух, поднятые легким воздухом, влетают смело, как полные хозяева, и, пользуясь подслеповатостью старухи и солнцем, беспокоящим глаза ее, обсыпают лакомые куски, где вразбитную, где густыми кучами. Насыщенные богатым летом, и без того на всяком шагу раставляющим лакомые блюда, они влетели вовсе не с тем, чтобы есть, но чтобы только показать себя, пройтись взад и вперед по сахарной куче, потереть одна о другую задние или передние ножки, или почесать ими у себя под крыльшками, или, протянувши обе передние лапки, потереть ими у себя над головою, повернуться и опять улететь, и опять

И не просто абы как прилететь и сесть ему на лоб или, скажем, на нос, а так себя подать, так преподнести, чтобы поэт принял тебя за Музу. А дальше... дальше надо быть готовой к тому, что поэт поступит с тобой так, как обычно поступают мужчины: воспользовавшись твоим осенним полубоморочным состоянием, начнет подталкивать "ручкой подлой тебя к бесплотной мысли", изомнет этой ручкой твое нежное тело, исковеркает легкокрылую жизнь твою, напишет о тебе поэму, в которой поднимет до звезд и опустит до навоза, а потом скажет: "Прости жестоко". И цинично добавит: "Надеюсь все же, что тебе не больно".

Впрочем, мухе ли привыкать к жестокости?

Недавно в Валенсии ученые обнаружили самую древнюю паутину в мире, застывшую в янтаре 110 млн. лет назад. В этой окаменелости на-

Исполнение желаний

Передо мной на буфете стоит антикварная супница. Она очень приятной формы в стиле модерн с синими причудливыми цветами. Это даже не фарфор, а фаянс, но она действительно очень симпатичная, и к тому же с ней связана довольно романтическая история.

Начнем с моего раннего, еще довоенного детства. Мои родители — артисты эстрады — очень много гастролировали, и я была оставлена на тетю, бабушку и няню. Конечно, они очень любили и баловали меня. Но все-таки по-настоящему счастливой

я была, когда папа и мама были дома. Тогда в обеденное время няня вносила в столовую большую красивую супницу, и мама разливала из нее суп роскошным серебряным половником, а я сидела, затаив дыхание от счастья, и почти блаженствовала.

Прошло много лет, уже нет на свете ни папы, ни мамы, и няня погибла в блокадном Ленинграде, но почему-то домашнее семейное тепло у меня ассоциируется с супницей. Как будто именно она создавала уют и полноценность семьи.

И вот тогда я поняла, что у меня

самой не складывается семья. И если я полностью реализовалась в профессиональной и общественной жизни, то семья у меня долго не получалась. Тогда я решила начать с другого конца. Я стала коллекционировать супницы. Их у меня собралось, наверное, штук 12. Они стояли на всех шкафах и буфетах, в одной из них я хранила хлеб, в другой электрические лампочки, в третьей клубки и т. д.

И вот однажды я, идя на работу, зашла в комиссионный магазин на Вознесенском проспекте и увидела

ту самую супницу, она мне понравилась с первого взгляда, и цена меня вполне устраивала, но денег с собой не было. Я пришла на работу и бросила ко всем своим коллегам с просьбой дать мне займы денег до завтра, я им рассказала, какая это замечательная супница и как я мечтаю ее купить, но ни у кого денег с собой не оказалось. На другой день я уже с деньгами бросилась перед работой в этот магазин. И продавщица с сожалением сказала, что супницу только что купили. Я со слезами пришла я на работу и в расстройстве чувств поведала коллегам, что моя любимая супница, о которой я так мечтала, "ушла".

Коллеги меня успокаивали, сочувствовали. А через несколько дней был мой день рождения. Я купила большой торт, конфеты и устроила чаепитие на работе. И вдруг вошел наш директор и преподнес мне от нашего коллектива эту самую супницу и сказал, что коллеги мне ее дарят как символ "исполнения желаний".

И самое интересное, что супница "сработала". У меня замечательный муж, и не только: он подарил мне сразу двух великолепных детей, трех внуков и одного правнука. Иногда я смотрю на эту супницу и спрашиваю ее: "Это ты исполняешь мои желания?". А она хоть и молчит, но очень многозначительно.

Дела давно минувших дней

У моей мамы был брат, путейский инженер Михаил Алексеевич Луговой, который был женат на правнучке Барклая де Толли, Екатерине Дмитриевне Бессоновой. Тетя Катя знала несколько языков и была заведующей кафедрой иностранных языков в педагогическом институте. А дядя хорошо знал английский язык и часто пользовался в своей работе английскими чертежами и учебниками, за что и поплатился. Его заместитель, который претендовал на его место, донес на дядю Мишу в НКВД, что дядя-то английский шпион. Там особенно разбираться не стали и сослани его сначала на Север вместе с семьей, а через год семью вернули, а его от-

правили на стройку Беломорканала, где он и проработал 7 лет, а потом его вызвали и сказали, что теперь они знают, что дядя не английский шпион, и он может возвращаться обратно с полной реабилитацией. "Ни тебе здравствуйте, ни тебе пожайлуста". Мама как-то спросила у дяди Миши о том, как там было ему в заключении. Он ответил, что, конечно, было и холодно, и голодно, и тошно, но в таком коллективе, как на Беломорканале, он никогда в жизни не работал. Он сказал, что там были собраны самые талантливые инженеры России, что даже чертежники у них работали талантливые инженеры.

У дяди Миши и тети Кати было двое

детей: Ирочка — студентка, и Андрей — кукольник. И кроме того, у них была очень преданная домработница Настя. Она жила в этой семье около 40 лет. Была аккуратистка, хорошая стряпуха. Но от природы была немного косноязычна. Про моих брата и сестру она говорила: "Иротка — кротавица, Андрютка — кулиган".

Однажды они пошли на оперу "Пиковая дама". Настя пришла домой очень довольная. "Так кротиво, так кротиво, все поют и кланяются, я тоже им кланяюсь". Дядя Миша спрашивает: "Ну, а как тебе сама Пиковая дама?". Настя: "Не было никакой пиковой дамы". Дядя настаивает: "Ну как же, вспомни, ста-

руха в чепце". Настя рассердилась: "Ну не было пиковой дамы, ну не пришла в тот день". А вот с балетом был скандал: Ирочка пришла в слезах, а Настя была очень злая: "Трам-то какой, куда ребенка посылаете? Девки-то все голые, мудыки голые. Мудыки девок все поднимают и поднимают. А внизу сидит дяденька с палочкой и говорит: "Нельдя, нельдя", — а они все свое". Дядя Миша умер в блокаду у нас дома. Он потерял сознание на улице, и его принесли к нам. Труп лежал почти рядом со мной, и у нас не было сил его вынести. С тех пор я не боюсь мертвых, я боюсь живых. А вот "Андрютка — кулиган" дошел

до Берлина, вся грудь в орденах. Капитан артиллерийской разведки. Я, тогда еще девочка, как-то сказала про одного хулигана, что просто "убила бы его". И вдруг Андрей стал таким строгим и сказал: "Лялька, никогда не говори так. Если бы ты знала, как трудно убить человека, даже если он враг". Я навсегда запомнила Андрюшины слова, и меня потрясает, как сейчас легко относятся к жизни и смерти человека.

Андрюша, уже со своим внуком, стоит перед Казанским собором в Ленинграде, и Алешка спрашивает: "Дед, так кто мой предок, этот или этот?"

Сейчас уже нет ни Андрюшки, ни Ирочки. А вот Алеша Луговой, потомок Барклая де Толли, сейчас международный гроссмейстер по шахматам.

Нелли ПОЗНЕР.